

БОЕЦ АРМИИ ИСКУССТВ

В КИСЛОВОДСКЕ на здании средней школы мемориальная доска извещает, что «в этой школе учился известный советский драматург Владимир Киршон». В Москве такой доски нет. Хотя здесь прошла вся его короткая и бурная литературная жизнь.

В первые годы революции молодежь рано начинала. Фадеев, Афиногенов, Николай Островский, Вишневский, Гайдар юношами, почти мальчиками бросились в самую пучину событий, стали коммунистами, участвовали в гражданской войне. Киршон был среди них.

В восемнадцать — член партии, в двадцать — редактор газеты в Ростове, в двадцать один — преподаватель литературы в лартшколе и руководитель ассоциации пролетарских писателей, пламенный оратор, поэт, фельетонист, очеркист, он беззаветно боролся за установление коммунистических норм в этике и морали нового человека.

Богато одаренный талантом, он стал одним из первых драматургов-новаторов, рассуждающих в своих пьесах о пролетарских студентах (это его первая большая пьеса «Константин Терехин» или «Ржавчина», написанная совместно с другом юности, ныне здравствующим драматургом Андреем Успенским), о рабочих периода восстания и реконструкции народного хозяйства после войны («Рельсы гудят»), о бессмертном подвиге двадцати шести бакинских комиссаров («Город ветров»). Все эти три пьесы в конце двадцатых и в начале тридцатых годов были поставлены замечательным советским режиссером Е. О. Любимовым-Ланским и прошли с огромным успехом в руководимом им Театре имени МГСПС (ныне Театре им. Моссовета). Можно сказать, что произведения Билль-Белоцерковского, Фурманова и Киршона создали этот театр. А затем эти произведения, подхваченные другими театрами, с успехом шли по всей стране.

Это было время широкого наступления советской драматургии, смелого, новаторского, рожденного высоким пафосом революции. Шеренга новых драматургов, писавших без страха и оглядки, вскрывавших новые, никогда еще не описанные в литературе пласты жизни, блистала поистине слазными именами. Среди этих имен были Ромашов, Билль, Лазренев, Афиногенов, Либединский, Булгаков, Олеша, Катаев, Шкваркин, Сейфуллина, Глебов, Кулиш, Погодин, Корнейчук, Микитенко... Звездой первой величины был и Владимир Киршон, чьи драмы потрясали зрительный зал. Когда в «Рельсах гудят» старый рабочий (его великолепно играли А. Крамов и Г. Ковров) произнесил речь о будущем и открывался силует первого построенного при Советской власти паровоза, и оркестр играл марш, публика вставала и пела вместе с исполнителями спектакля.

Вл. И. Немирович-Данченко пригласил драматурга в Художественный театр, заказал ему пьесу о деревне, о борьбе за хлеб в самые напряженные для наших республик годы первой пятилетки. После длительной поездки по колхозам и совхозам средней полосы России и

по центральной черноземной области появилась новая драма. Поставленная И. Судачковым при участии самого Вл. И. Немировича-Данченко, драма «Хлеб» явилась большим событием в жизни МХАТа СССР имени Горького. Сам Алексей Максимович Горький смотрел этот спектакль, аплодировал Н. Хмелеву, А. Тарасовой, Б. Добронравову...

Когда мы с Киршоном и с небольшой группой драматургов были на загородной даче Горького и беседовали о делах театральных и драматургических, глава советской литературы с большой любовью говорил о Владимире Михайловиче, о его творчестве. О его пьесах «Суд» — результате поездки в Европу, в предфашистскую Германию, и о «Чудесном сплаве» — право же, очень милой и веселой комедии, не покидающей сцены театров и по сей день, Горький сказал теплые и обнадеживающие слова. Любовью и огромной верой в своего учителя Киршон всегда отвечал Горькому. Каждую свою новую пьесу, прежде чем выпустить в свет, драматург приносил Алексею Максимовичу.

Не достигнув и тридцати шести лет, в общем-то в начале своей творческой жизни, Владимир Киршон трагически погиб. Он мог сделать многое, гораздо больше того, что сделал. Но и того, что им создано, — семь пьес, а это совсем немало, три из них идут и по сей день, — достаточно для того, чтобы имя его сегодня, в дни, когда ему исполнилось бы семьдесят лет, вспоминали с любовью и благодарностью.

А мы, его творческие соратники, знавшие его близко, не со всем и не всегда с ним соглашавшиеся, но глубоко его уважавшие, признаем нашу литературную и театральную молодежь изучать его творчество, брать пример активности, беззаветности, бескомпромиссности, умения заглянуть в будущее, любви и веры в людей.

На Первом всесоюзном съезде писателей он делал доклад о драматургии. Он говорил о пьесах своих товарищей, о маститых и о молодых, он внимательно разбирал драматургию предшествовавших съездов годов, он старался быть справедливым и объективным, да таким и выглядит его доклад сегодня. Он преодолевал в себе самом осужденные партией тенденции групповщины и «избранности» пролетарских писателей, он хотел объединить вокруг нового союза все талантливые литературные силы. Он обращался к прогрессивным писателям Запада со словами о том, «что мы считаем себя бойцами великой армии, борющейся за освобождение человечества».

А доклад свой он окончил словами:

«Если бы Гейне мог взглянуть на то, что происходит в нашей стране, он увидел бы, что олендровые роши растут вокруг новых социалистических городов и сел, что победоносный пролетариат не только не угрожает его стихам, не только чтит и любит классическое искусство, но и создает свое, новое искусство, которое еще молодо, но которое будет выше искусства прежних эпох».

Исидор ШТОК.

19 АВГ 1972

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МОСКВА